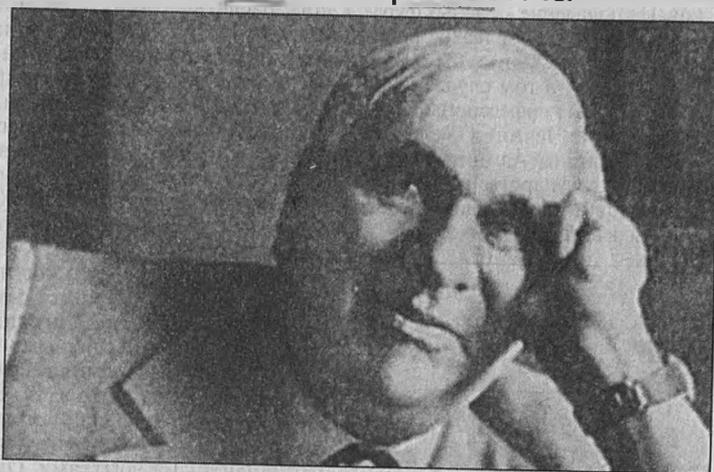

Известия - 1999 - 29 сент. - с. 1.

И дольше жизни длился век

Сегодня — 100 лет со дня рождения писателя и кинодраматурга Евгения Габриловича

Юрий БОГОМОЛОВ

Начинал он как даровитый прозаик. Остался в истории как классик кинодраматургии. Надо бы сказать: советской кинодраматургии. Но язык не поворачивается.

По отношению к немногим классикам он не поворачивается.

Габрилович — из их числа, поскольку практически никогда не мог остаться в рамках идеологического задания, определяемого КПСС, членом которой он никогда не был.

Появился на свет он, когда изобретению братьев Люмьер было всего четыре года. А в октябре семнадцатого будущему сценаристу уже стукнуло восемнадцать.

Как он признался в последней автобиографической книге, революция ему не понравилась, большевики — тоже. Ленин — особенно.

Потом он воспел революцию («Последняя ночь», 1937), уважил большевиков («Коммунист», 1958, и «Твой современник», 1968) и почтил Ленина («Последняя осень», 1958, «Ленин в Польше», 1966, и «Ленин в Париже», 1981).

У Пушкина в «Пиковой даме» сказано довольно категорически, что две идеи, как и две вещи, не могут занимать одно и то же место. Иначе человек свихивается. Что и случилось с Германом.

(Окончание на 10-й стр.)

Известия - 1999 - 29 сент. - с. 10.

И дольше жизни длился век

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

С Габриловичем этого не произошло; он до последнего дня (а дожил он до глубокой старости и, стало быть, имел счастье пережить роковую спутницу своей жизни — Советскую Власть) сохранил ясность ума, чтобы дать вполне трезвый и исчерпывающий отчет в изгибах и сломах своей биографии.

Что правда, то правда: по его сценариям снята бездна советских фильмов. «Последняя ночь», трилогия о Ленине, «Коммунист», «Твой современник» — самые известные из них. И самые заслуженные. Были и менее заметные.

...Но с другой стороны, по его сценариям снимались и столь же заметные ревизионистские и, стало быть, в известном смысле антисоветские картины — «Машенька» (1942), «Мечта» (1943), «В огне брода нет» (1968), «Нача-

ло» (1970), «Монолог» (1973), «Объяснение в любви» (1978). Со стороны посмотреть: нескладно вышло. Как это мог сделать один человек. Как можно, сознавая неправедность режима, искренне, с полной душевной отдачей его идеализировать...

Рассудок поделил сферы художественной деятельности — мифотворческую и собственно художественную. В первой он рассказывал добрые сказки по поводу самого человеческого человека, самого коммунистического коммуниста, самой революционной революции. А во второй — отчаянно рефлексировал по поводу своих же домыслов.

...А сердце вместило их обе.

В его сердце они не спорили и не ссорились. Я это точно знаю; он мне об этом говорил, когда мы делали документальный фильм о его художественных фильмах.

В одном из лучших фильмов, снятых по его сценарию, сказано

недвусмысленно и вынесено в заглавие: «В огне брода нет». Его героиня художница Таня Теткина в том убедилась на собственном опыте. Она его не нашла; она в нем сгорела.

А он, автор, нашел брод и через огонь гражданской войны, и через ямы коллективизации, индустриализации, космополитизации...

Фильм «Объяснение в любви» — разъяснение того, как это ему удалось сделать. Он прошел над пропастью двадцатого века по ниточке человечности.

Было время после войны, когда он стал запрещенным сценаристом. Единственное, что ему позволялось, — переписывать за кадровой текст в документальных фильмах о славных нефтяниках. А также о героических шахтерах. А еще — о рекордсменах-сталепрокатчиках. И он переписывал с казенного на человеческий. С казенного на че-

ловеческий он переписывал советскую историю.

Как-то Михаила Аркадьевича Светлова спросили: «Как живете?» Ответ был: «Меняю гнев на милость и с этого живу».

С этого жил и Евгений Иосифович Габрилович. Потом, когда советская власть кончилась, успел «пожить» переобдумыванием своей жизни и своего века.

Он вспомнил, что был соседом по лестничной площадке Михаила Булгакова, которого считал неудачником, поскольку тот был незамечаем временем, мчавшимся, как многим тогда казалось, вперед. Оставшийся позади автор «Мастера и Маргариты» оказался впереди своего биографического времени.

Его прощание с жизнью было горьким. Он мог себя пожалеть, как чеховский дядя Ваня.

Он мог бы стать Шопенгауэром. Если бы черт догадал его родиться в другом веке.